

Радбрух Густав

Введение в науку права

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г96

Г96 **Густав Р.**
Введение в науку права / Радбрух Густав – М.: Книга по Требованию, 2022. –
160 с.

ISBN 978-5-519-80143-0

ISBN 978-5-519-80143-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НАУКИ О ПРАВѢ.

(Вмѣсто предисловія).

Ни въ какой другой наукѣ пѣтъ столько противорѣчащихъ другъ другу теорій, какъ въ наукѣ о правѣ. При первомъ знакомствѣ съ нею получается даже такое впечатлѣніе, какъ будто она только и состоитъ изъ теорій, взаимно исключающихъ другъ друга. Самые основные вопросы о существѣ и неотъемлемыхъ свойствахъ права рѣшаются различными представителями науки о правѣ совершенно различно. Споръ между теоретиками права возникаетъ уже въ пачалѣ научнаго познанія права; даже болѣе, именно по поводу исходнаго вопроса—къ какой области явленій принадлежитъ право—начинается непримиримое раздѣленіе направлений и школъ въ интересующей насъ наукѣ. Достаточно вспомнить наиболѣе существенные отвѣты на этотъ послѣдній вопросъ, чтобы сразу получить яркое представленіе о томъ, въ какомъ неопредѣленномъ положеніи находится эта сфера научнаго знанія.

Большинство современныхъ юристовъ неразрывно связываетъ право съ государствомъ и его принудительной властью. Дѣйствительно, на переживаемой нами стадіи культуры государство почти монополизировало установленіе нормъ права и надзоръ за ихъ осуществленіемъ. Близкое участіе современнаго государства во всемъ, что касается права и его примѣненія, является однимъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ дѣйствующихъ теперь правопорядковъ. Поэтому многіе теоретики права приходятъ къ заключенію, что право не можетъ существовать безъ государства и что оно по самой своей природѣ—явленіе государственное. Согласно этой теоріи, право состоитъ изъ повелѣній, исполненіе которыхъ гарантируется государ-

Введеніе въ науку права.

ственной властью. Отдѣльные сторонники этой теоріи далеко не одинаково формулируютъ ее; различіе въ формулировкахъ ея, благодаря которымъ получается очень много вариантовъ этой теоріи, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, какое значеніе тѣ или иные теоретики придаютъ при опредѣленіи существа права элементу принужденія. Однако общей чертой для всѣхъ отщѣпковъ этой теоріи является признаніе того, что государство имѣетъ рѣшающее значеніе для права. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія этой теоріи, право всегда представляетъ изъ себя императивное, или государственно-повелительное явленіе.

Но противъ этой теоріи права возражаютъ многіе представители науки о правѣ, указывая на то, что право возникаетъ раньше государства и можетъ существовать помимо него. Далѣе, они вполне справедливо выдвигаютъ то соображеніе, что при добровольномъ осуществленіи правовыхъ нормъ, которое является наиболѣе распространеннымъ и нормальнымъ типомъ соблюденія права, возможность вмѣшательства государства въ случаѣ несоблюденія предписаній права въ большинствѣ случаевъ не играетъ никакой роли. Слѣдовательно, осуществленіе нормъ права не есть прямое слѣдствіе регулирующей и надзирающей дѣятельности государственной власти. Съ другой стороны, по ихъ мнѣнію, и процессъ правотворчества, несмотря на громадный ростъ и широкое распространеніе законодательной дѣятельности современныхъ государствъ, совершается не въ законодательныхъ учрежденіяхъ, гдѣ право лишь формулируется, а въ нѣдрахъ общества, гдѣ оно зарождается и созрѣваетъ. Наконецъ, они настаиваютъ на томъ, что и организація, и вся дѣятельность современныхъ государствъ основаны на правовыхъ нормахъ, установленныхъ въ конституціяхъ этихъ государствъ. Все это заставляетъ ихъ признавать дѣятельность государства, направленную на установленіе и осуществленіе права, лишь внѣшней оболочкой современнаго правопорядка, не касающейся существа права. Само по себѣ право, по ихъ теоріи, есть явленіе социальное и состоитъ изъ извѣстнаго рода отношеній между людьми, охраняемыхъ самимъ обществомъ.

Однако многихъ теоретиковъ не удовлетворяетъ ни первое, ни второе рѣшеніе вопроса о существѣ права. Они утверждаютъ,

что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ обращается вниманіе на нѣчто внѣшнее, приводящее къ праву, а не на самое право. Изслѣдуя природу права, они приходятъ къ заключенію, что право есть явленіе нашего внутренняго, психическаго міра. На связь права съ психикой уже и раньше не разъ было обращено вниманіе; такъ, напр., при анализѣ императивнаго характера права указывалось на то, что право дѣйствуетъ и осуществляется благодаря человѣческой волѣ. Но только въ повѣйшее время были сдѣланы попытки болѣе широко и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе послѣдовательно посмотреть на право съ психологической точки зрѣнія. Сторонники психологической теоріи права, рассматривающіе право, какъ явленіе не только волевое, но и вообще психическое, и притомъ какъ исключительно психическое явленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ, что право относится совсѣмъ къ другой области явленій, чѣмъ та, которую имѣютъ въ виду защитники двухъ вышеназванныхъ теорій права. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ совершенно непримиримую противоположность взглядовъ не только по вопросу о существѣ права, но, что гораздо важнѣе, и по вопросу о той области являющейся, къ которой принадлежитъ право.

Основныя теоретическія противорѣчія даже относительно исходныхъ точекъ, съ которыхъ начинается познаніе права, далеко однако этимъ не исчерпываются. Еще важнѣе, чѣмъ вопросъ о томъ, есть ли право только внутреннее, психическое явленіе, или оно также и явленіе внѣшняго социальнаго міра,— вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится право къ нравственности. Этотъ послѣдній вопросъ имѣетъ уже не только теоретическое, но и глубоко практическое, жизненное значеніе. И именно при рѣшеніи его ученые и мыслители приходятъ къ наиболѣе противоположнымъ взглядамъ. Прежде всего, чрезвычайно странное впечатлѣніе производитъ то обстоятельство, что въ современной научной литературѣ по общей теоріи права главный интересъ сосредоточенъ на установленіи различія между правомъ и нравственностью и даже на противопоставленіи ихъ другъ другу и сравнительно очень мало вниманія удѣляется вопросу о томъ, въ чемъ право и нравственность родственны и близки между собой.

Правда, теоретики права, видящіе свою основную задачу въ

установленіи различія между правомъ и нравственностью, про-
водятъ по большей части чисто формальное разграниченіе между
ними. Такъ, сторонники взгляда на право, какъ на государ-
ственно-повелительное явленіе, видятъ отличіе права отъ нрав-
ственности въ томъ, что соблюденіе правовыхъ предписаній
можетъ быть вынуждено государственной властью, а соблюденіе
требованій нравственности—не подлежитъ принудительному осу-
ществленію. Сторонники психологической теоріи права усмат-
риваютъ эту разницу въ томъ, что правовыя душевныя пере-
живанія имѣютъ двусторонній повелительно-предоставительный
характеръ, а нравственныя—только односторонній повелитель-
ный характеръ. Наряду съ этимъ у защитниковъ этихъ теорій
мы встрѣчаемъ ученіе о томъ, что то или иное содержаніе со-
вершенно безразлично для правовыхъ предписаній: какъ явле-
ніе, имѣющее чисто формальныя признаки, право приравни-
вается къ дѣйствительно совершенно безразличнымъ въ нрав-
ственномъ отношеніи явленіямъ и предметамъ. У сторонниковъ
взгляда на право, какъ орудіе государственной власти, мы
находимъ сравненіе права съ орудіями повседневной и техни-
чески-промышленной жизни, напр., съ пожомъ, которымъ можно
и исполнить полезную работу, и убить человѣка, или съ дина-
митомъ, который можетъ послужить и созидательнымъ, и раз-
рушительнымъ дѣломъ. Однако наиболѣе яркимъ показателемъ
того, какъ противоположны могутъ быть воззрѣнія на отноше-
ніе между правомъ и нравственностью, служатъ взгляды на
право Л. Н. Толстого, который считаетъ право безусловнымъ
зломъ и явленіемъ безнравственнымъ, такъ какъ оно прибѣгаетъ
къ принужденію, т. е. насилію надъ человѣкомъ.

Но съ другой стороны, съ тѣхъ поръ, какъ возникли общія
размышленія о правѣ, всегда высказывался взглядъ, что подлин-
ное существо права безусловно этично, какъ бы ни уклонялись
отдѣльныя, фактически дѣйствующіе правовыя порядки отъ требо-
ваній нравственности. Это ученіе о далеко не безразличномъ, а
глубоко нравственномъ характерѣ права въ его подлинной
сущности особенно энергично и послѣдовательно отстаивалось
школой естественнаго права. Среди современныхъ намъ теорій
права, наряду съ вышеуказанными ученіями, видящими свою за-
дачу въ противопоставленіи права нравственности, можно ука-

затѣ и ученія, настаивающія на томъ, что въ своей основѣ право имѣетъ нравственный характеръ. Если у насъ со стороны Л. Н. Толстого нравственный характеръ права подвергся, можетъ быть, наиболѣе рѣшительному отрицанію, то и самый выдающійся нашъ философъ, В. С. Соловьевъ, выступилъ съ особенной энергіей на защиту нравственной связи между правомъ и нравственностью. Связь эту стараются расторгнуть не только тѣ, кто подобно Л. Н. Толстому исходитъ изъ абсолютнаго значенія нравственныхъ началъ, но и тѣ, кто подобно Б. Н. Чичерину исходитъ изъ прямо противоположнаго утвержденія объ абсолютномъ значеніи правового начала. В. С. Соловьевъ въ своемъ этюдѣ «Право и нравственность», который въ переработанномъ видѣ вошелъ и въ его основное философское сочиненіе «Оправданіе добра», одинаково возсталъ противъ всѣхъ ученій, расторгающихъ союзъ между правомъ и нравственностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ привелъ неопровержимыя доказательства въ пользу того, что подлинное существо права обладаетъ нравственнымъ характеромъ. Однако это коренное свойство права, роднящее его съ нравственностью, опредѣляется различными учеными далеко не одинаково. Одни учатъ, что право заключаетъ въ себѣ тотъ минимумъ нравственныхъ требованій, который обязателенъ для всѣхъ, другіе готовы даже доказывать, что все несогласное съ требованіями нравственности въ дѣйствующихъ правовыхъ порядкахъ, не есть право; наконецъ, третьи считаютъ, что только въ процессѣ культурнаго развитія—углубленія человѣческаго самосознанія и творчества новыхъ общественныхъ формъ можетъ быть достигнута полная гармонія права и нравственности.

Уже перечисленные и кратко охарактеризованные нами теоріи права показываютъ, какъ глубоко противорѣчія во взглядахъ относительно существа права и основныхъ его свойствъ, высказываемыя въ современной научно-правовой и философской литературѣ. Противорѣчія эти будутъ дѣлаться все болѣе многочисленными и разносторонними, чѣмъ дальше мы будемъ разсматривать различныя ученія о правѣ. Такое состояніе современныхъ научно-правовыхъ теорій очень часто вызываетъ крайне пессимистическое отношеніе къ самой наукѣ о правѣ. Однако достаточно установить причину неудовлетворительнаго состоянія

современнаго научнаго знанія о правѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что пессимизмъ здѣсь совершенно неумѣстенъ.

Если различные ученые и мыслители приходятъ къ прямо противоположнымъ рѣшеніямъ основныхъ вопросовъ, касающихся существа права, то это объясняется тѣмъ, что не выясненъ и не рѣшенъ предварительный вопросъ о характерѣ самой науки о правѣ. Послѣдняя слагалась подъ различными вліяніями, созданными посторонними для нея научными теченіями и не имѣвшими прямого отношенія къ ея основнымъ свойствамъ. Эта зависимость науки права отъ самыхъ разнообразныхъ идейныхъ теченій и привела къ тому, что въ ней накопилась такая масса противорѣчащихъ другъ другу теорій.

Наиболѣе часто наука о правѣ обосновывается и строится на тѣхъ идеяхъ и на томъ матеріалѣ, которые вырабатываются въ догматической юриспруденціи. Это вполне понятно, такъ какъ разработкой науки о правѣ заняты, главнымъ образомъ, юристы, интересы которыхъ сосредоточены на догматическомъ изученіи и изслѣдованіи права. У насъ типичнымъ примѣромъ такого обоснованія и ориентировки науки о правѣ на идеяхъ и матеріалѣ, доставляемыхъ догматической юриспруденціей, можетъ служить «Общая теорія права» Г. Ф. Шершеневича. Книга Г. Ф. Шершеневича выросла изъ общей части его «Курса гражданскаго права»; отдѣлы ея, посвященные праву, воспроизводятъ въ существенныхъ чертахъ высказанное авторомъ при систематическомъ изслѣдованіи и изложеніи гражданско-правовой догматики. Правда, самъ Г. Ф. Шершеневичъ, несомнѣнно, стремился дать болѣе широкое обще-философское и антрополого-соціологическое обоснованіе своей общей теоріи права. Устанавливая свою задачу, онъ указываетъ на то, что «философія права не можетъ быть построена на однѣхъ юридическихъ наукахъ», и что «право, въ его дѣломъ, есть понятіе соціологическое, а не юридическое». Но выполненіе этой задачи не удалось Г. Ф. Шершеневичу, и въ его книгѣ мы не находимъ «права въ его дѣломъ», а только ту сторону его, которая интересуетъ юриста-догматика. Какъ по методу, такъ и по матеріалу «Общая теорія права» Г. Ф. Шершеневича оказалась ориентированной по преимуществу на юридической догматикѣ. Поэтому и пониманіе сущности права въ ней чисто юридико-догматическое; оно

ограничено представленіемъ о томъ, что къ праву относится только тѣ нормы, которыя подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ инстанцій, т. е. главнымъ образомъ гражданское и уголовное право; напротивъ, большая часть государственнаго и международнаго права, согласно этому взгляду, исключена изъ сферы права.

Наряду съ ориентировкой науки о правѣ на догматической юриспруденціи мы находимъ въ научно-правовой литературѣ и ориентировку ея на другихъ специальныхъ научныхъ дисциплинахъ; въ однихъ случаяхъ ее ориентируютъ на социологию, въ другихъ—на психологию. Къ періоду особой популярности у насъ социологии, т. е. къ концу семидесятыхъ годовъ, относится замѣчательная по своей послѣдовательности разработка основныхъ проблемъ науки о правѣ съ социологической точки зрѣнія, представленная С. А. Муромцевымъ въ его сочиненіи «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права». Въ общемъ, та же социологическая точка зрѣнія на право положена въ основаніе и получившаго у насъ большое распространеніе сочиненія Н. М. Коркунова «Лекціи по общей теоріи права», но въ немъ менѣе послѣдовательно проведено чисто социологическое истолкованіе правовыхъ явленій, такъ какъ сдѣланы большія уступки юридико-догматическому направленію. Напротивъ, теперь, когда громадное значеніе придается психологіи, а психологическое истолкованіе всего, что касается человѣка, считается многими по преимуществу научнымъ, наибольшее вниманіе обращаетъ на себя психологическая теорія права. У насъ она представлена лучше, чѣмъ въ другихъ западно-европейскихъ литературахъ, благодаря замѣчательному труду Л. І. Петражицкаго «Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности». Само собой понятно, что какъ только мѣняется научная дисциплина, которая служитъ для ориентировки науки о правѣ, тотчасъ же измѣняется и взглядъ на то, къ какой области явленій надо причислить право. Такимъ образомъ, въ зависимости отъ признанія той или иной области научнаго знанія исходной для построенія науки о правѣ одни ученые причисляютъ право къ государственно-повелительнымъ явленіямъ, другіе—къ социальнымъ,—а третьи—къ явленіямъ психическимъ. Съ другой стороны, въ соотвѣтствіи съ различными точками зрѣнія на характеръ самой

науки о правѣ рѣшается и вопросъ о томъ, гдѣ провести границу между правовыми и неправовыми явленіями. Вполнѣ естественно, что ученые, придерживающіеся взгляда на право, какъ на социальное явленіе, считаютъ, по преимуществу, правовымъ все то, что составляетъ социальную сторону права, все же, не относящееся къ ней, они такъ или иначе исключаютъ изъ области права. Напротивъ, сторонники психологической теоріи права ограничиваютъ область права лишь душевными переживаніями, а все остальное въ правѣ они объявляютъ не правомъ; для большей же убѣдительности своей новой классификаціи явленій, связанныхъ съ правомъ, они отвергаютъ всю старую терминологию и придумываютъ свои собственные новые термины. Этимъ путемъ и получается вся та масса крайне противорѣчивыхъ рѣшеній основныхъ вопросовъ относительно существа права, на которую мы указали выше, какъ на наиболѣе характерную особенность современнаго состоянія научнаго знанія о правѣ.

Всѣ вышеразсмотрѣнныя теоріи права, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о томъ, что науку о правѣ можно ориентировать и въ догматической юриспруденціи, и въ социологіи, и въ психологіи. Но возможность ориентировки науки о правѣ въ столь противоположныхъ научныхъ дисциплинахъ, какъ по ихъ предмету изслѣдованія, такъ и по ихъ методу, заставляетъ признать эту возможность лишь фактически осуществляемой, а не научно оправдываемой. Въ самомъ дѣлѣ, если эти ориентировки могутъ производиться въ такихъ не похожихъ другъ на друга областяхъ знанія, какъ, напр., социологія и психологія, то ни одна изъ нихъ не является правильной. Однако, все-таки онѣ осуществимы, и порознь каждая изъ нихъ приводитъ къ очень интереснымъ научнымъ результатамъ. Только всѣ вмѣстѣ онѣ превращаютъ науку о правѣ въ собраніе взаимно противорѣчащихъ и исключających другъ друга теорій и взглядовъ. Всѣ эти факты заставляютъ насъ притти къ заключенію, что ориентировка науки о правѣ въ какой-нибудь одной специальной дисциплинѣ гуманитарно-научнаго знанія методологически неправильна; въ виду же того, что эта ориентировка въ каждой изъ гуманитарныхъ наукъ все-таки возможна и приводитъ къ извѣстнымъ научнымъ результатамъ, хотя лишь частично вѣрнымъ,—естественно сдѣлать пред-

положеніе, что науку о правѣ слѣдуетъ ориентировать во всей совокупности гуманитарныхъ наукъ. Очень важнымъ доводомъ въ пользу этого методологическаго требованія можетъ служить и то соображеніе, что право не можетъ быть отнесено только къ одной сторонѣ культурной жизни человѣка, т. е. или къ государственной организаціи, или къ общественнымъ отношеніямъ, или къ душевнымъ переживаніямъ, такъ какъ оно одинаково связано со всѣми ими.

Однако, чрезвычайно легко выставить требованіе ориентировать науку о правѣ во всей совокупности гуманитарно-научнаго знанія, но осуществить его очень трудно. Гуманитарныя науки не представляютъ изъ себя единую и цѣльную область научнаго знанія, а состоятъ изъ простой суммы наукъ о человѣкѣ и его культурной жизни. Если мы будемъ послѣдовательно или попеременно ориентировать науку о правѣ въ каждой отдѣльной дисциплинѣ, относящейся къ области гуманитарныхъ наукъ, стремясь притомъ не оставить ни одной изъ нихъ въ сторонѣ, то мы получимъ не синтетически цѣльный, а лишь эклектическій, сборный результатъ. Дѣйствительно, элементы эклектизма довольно сильны въ научной литературѣ о правѣ; особенно много ихъ въ теоретическихъ построеніяхъ Н. М. Коркунова; присутствіе ихъ сказывается въ нѣкоторыхъ уступкахъ соціологическому направленію въ «Общей теоріи права» Г. Ф. Шершеневича; одинъ Л. І. Петражицкій вполне послѣдователенъ въ проведеніи психологической точки зрѣнія на право, что и приводитъ его часто къ парадоксальнымъ выводамъ. Но помимо эклектизма, идя по пути ориентировки науки о правѣ во всѣхъ гуманитарныхъ наукахъ, мы натолкнемся на совершенно неразрѣшимое противорѣчіе: вѣдь, наука о правѣ является тоже одной изъ гуманитарныхъ наукъ и въ принципѣ должна быть признана равноправной со всѣми ппн; слѣдовательно, если мы будемъ ориентировать науку о правѣ въ каждой изъ гуманитарныхъ наукъ, то и каждую изъ нихъ мы въ свою очередь должны ориентировать въ наукѣ о правѣ. Ясно, что такая взаимная ориентировка гуманитарныхъ наукъ другъ на другъ не можетъ составить прочнаго методологическаго фундамента ни для одной изъ нихъ.

Все это заставляет насъ притти къ заключенію, что мы не можемъ методологически правомѣрно ориентировать науку о правѣ непосредственно въ совокупности гуманитарныхъ наукъ. Эта задача ориентировки науки о правѣ въ гуманитарно-научномъ знаніи въ его цѣломъ осуществима только при посредствѣ, какъ той аналитической и критической провѣрки, такъ и того, объединяющаго разрозненное научное знаніе, синтеза, которые даются философіей вообще и философіей культуры въ частности. Итакъ, для того, чтобы наука о правѣ была методологически правильно построена, она должна быть ориентирована не въ той или иной гуманитарно-научной дисциплинѣ и не во всей совокупности ихъ, а прежде всего въ философіи культуры и только при посредствѣ ея во всей суммѣ гуманитарныхъ наукъ, объединенныхъ при помощи философіи въ цѣльную систему научнаго знанія.

Чрезвычайно интересную попытку построить научное знаніе о правѣ, исходя изъ философіи, представляютъ труды Р. Штаммлера. По своимъ философскимъ взглядамъ Р. Штаммлеръ сторонникъ критической философіи Канта, а въ пониманіи послѣдней онъ первоначально, несомнѣнно, слѣдовалъ за Г. Когеномъ, почему его часто и причисляютъ къ марбургской философской школѣ, во главѣ которой стоитъ Г. Когенъ. Изъ цѣлага ряда трудовъ Р. Штаммлера, вышедшихъ на протяженіи послѣдней четверти столѣтія, для насъ представляютъ особенный интересъ три его сочиненія. Сперва въ сочиненіи «Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи», которое есть и въ русскомъ переводѣ, онъ изложилъ свою социальную-философскую систему, затѣмъ онъ посвятилъ двѣ книги—«Ученіе о правильномъ правѣ» и «Теорія науки о правѣ», не переведенныя пока на русскій языкъ, по преимуществу философіи права. Надо признать, что исходная точка зрѣнія, принятая Р. Штаммлеромъ для построенія познанія права, именно ориентировка и обоснованіе этого познанія въ философіи, обладаетъ несомнѣннымъ гносеолого-методологическимъ превосходствомъ передъ попытками обосновать научное знаніе о правѣ на какой-нибудь одной изъ спеціальныхъ гуманитарно-научныхъ дисциплинъ. Но отвергнувъ методологическую правомѣрность самостоятельнаго обоснованія отдѣльныхъ гуманитарныхъ наукъ